

Дариуш Хэмпэрэк

Польская поэма XVII века о великолепии Смоленска¹

В XV-XVII вв. история Смоленска и Смоленской земли переплеталась с судьбами литовского и польско-литовского государств. С 1405 г. до 1514 г. город находился в границах Великого княжества Литовского, а с 1611 г., после 21 месяца осады королем Сигизмундом III Вазой, был присоединен к Речи Посполитой, что подтвердило перемирие в Дзвинине (1619) и мир в Полянове (1634). Смоленщина оставалась в границах польско-литовского государства до 1654 г., то есть 43 года в XVII веке.

Стратегическое значение Смоленска ценили как поляки и литовцы, называя его ‘ключом Москвы’ (*clavis Moscuæ*), так и русины, именуя его ‘ключом Литвы’ (Платонов 1937: 54; Kurisz 2001: 13). На рубеже XVI-XVII веков царь Борис Годунов сделал город над Днепром самой мощной крепостью Московского государства. Сигизмунд III, восстановив укрепления Смоленска, построил так называемую Сигизмундовскую крепость, созданную по образцу самой современной модели того времени – голландской. О значении, которое Речь Посполитая придавала Смоленщине, свидетельствует высокое место Смоленского воеводства в парламенте Речи Посполитой: его чиновники занимали в иерархии административных единиц 16-ое место из 36, опережая, к примеру, Мазовецкое воеводство с Варшавой или огромное Минское воеводство.

Сегодня, когда о былой красе Смоленска в XVII веке свидетельствуют немногие уцелевшие после Второй мировой войны памятники, история литературы открывает очень интересный текст, важный как для прошлого Смоленска, так и для образа польской литературы. Уцелевшая в необычных условиях поэма Яна Куновского *Смоленское великолепие 1628 года* (*Smoleńska zcasność R<oku> P<ańskiego> 1628*) подтверждает устойчивость и универсальность гораццианской топики *exegi monumentum*, или слов Адама Мицкевича “песнь уйдет целой”. Появившийся в 1628 году текст Куновского является, таким образом, первым в истории польской литературы поэтическим восхвалением города, написанным на польском языке. Рукопись пережила исторические бури в своеобразной губернии. Она была,

¹ Перевод с польского языка М.М. Цыбульского и Е.С. Воробьевой.

вместе с другими манускриптами и книжками, вывезена генералом Карлом Густавом Вранглером во время шведского нашествия на польские земли (1655-1660) и хранилась в его замке Скокlostер около Стокгольма, а затем в Национальном Архиве Швеции (Teodorowicz-Hellman 2006). В результате архивных запросов группы ученых из Варшавы и Стокгольма, а также являющейся их продолжением редакторской работы Марты Каспшак интересующий нас текст был издан в 2006 году². Парадокс, а может быть и ирония судьбы, привели к тому, что творчество неизвестного ранее Куновского встретилось с большой заинтересованностью: уже в следующем году появилась очередная монография, изданная белостоцкими историками (Kupowski 2007)³. В настоящее время, благодаря усилиям исследователей из этих центров, мы можем воссоздать биографию автора *Смоленского великолетия*.

Ян Куновский происходил из рода Куновских герба Лодзя, берущего свое начало в Познанском воеводстве. Куновские, подобно значительной части мелкой шляхты из западных и центральных районов Польши, связывали свои надежды на общественное развитие с восточными территориями Речи Посполитой и во второй половине XVI века переселились в Мозырскую область Минского воеводства. Молодость Яна Куновского, родившегося в последнем десятилетии XVI века, неизвестна. Первым документально подтвержденным фактом его жизни является участие в освобождении Смоленска в 1615-1616 гг. в гусарском отряде, возглавляемом Александром Госевским. Событие это увековечил Куновский в поэме *Освобождение Смоленска (Odsiecz Smoleńska, 1617)*. В 20-х гг. XVII века шляхтой Мозырской области он был назначен депутатом Литовского трибунала (1621), служил под командованием Госевского в проигранной оборонительной войне за Лифляндию (1621-1622), что представил в поэме *Лифляндская экспедиция 1621 года (Ekspedycja inflancka 1621 roku)*. За труд солдат-поэт был награжден королевичем Владиславом (тогдашним управляющим Смоленской земли) должностью старосты и капитана черниговского (1622), а также получил от короля поместье Вольтики над рекой Вольтинка в Черниговском княжестве (1626). Этим периодом датируется смоленский энкомий *Смоленск великолетний (Zachę Smoleńsk)*, написанный в 1628 году, а в окончательной авторской редакции 1640 года переименованный в *Великолетие Смоленска (Smoleńska zachę)*. Помещичье-чиновничий образ жизни Куновского прервала смоленская война (1632-1634). Участие в ней закончилось появлением окказиональных произведений (*Фрагмент осады Смоленска [Fragmenta*

² См. Kasprzak 2006: 25-32. В данном сборнике исследователь опубликовала также пять других произведений Куновского, связанных тематически со Смоленском. Итогом прежних исследований и критических работ всего сборника является том Jeżowa, Hellman 2007.

³ Кроме названной поэмы исследователи опубликовали остальные неизданные произведения Куновского.

oblężenia smoleńskiego], *На усиление осады Смоленска жалоба* [*Na angaryją oblężenia smoleńskiego uskarżanie*], *На московские военные завоевания времен освобождения* [*Na moskiewskie maniję czasu odsieczy*], *На королевский триумф в освобождении Смоленска* [*Na tryumf królewski z odsieczy smoleńskiej*]), а также присвоением Куновскому, уже королем Владиславом IV, титула королевского секретаря (1634). В данной роли он принял участие в посольстве в Москву (1636), где обсуждалась реализация положений поляновского мира; в 1636-1637 гг. участвовал в комиссии, определявшей прохождение границы между двумя государствами. Доказательством популярности Куновского на Смоленской земле было избрание его депутатом Литовского Трибунала от Смоленской области (1636). Королевского секретаря мы встречаем и в комиссии, устанавливающей границы Смоленского и Черниговского воеводств (1639), а также в польско-русской комиссии по вопросу Яна Фаустина, якобы сына царя Дмитрия Самозванца (1644). В связи со смертью своего протектора, смоленского воеводы Александра Госевского, Куновский написал несколько окказиональных произведений и собрал остальные, посвящая весь рукописный сборник сыну умершего (1640). Последним известным рыцарским событием в жизни автора *Смоленского великоления* было командование приватным отрядом пехоты великого литовского гетмана Януша Кишки (1648). Под конец жизни поэт переселился в центральные районы Великого княжества Литовского; в 1651-1652 гг. был депутатом Литовского трибунала от Лидской области.

Описание жизни Куновского было бы не полным без учета его конфессиональной принадлежности. Королевский секретарь был кальвинистом, его увлеченность делами реформированной евангелистской церкви документированно подтверждает трехкратное избрание его светским главой провинциального синода Литовского единства (*Jednota Litewska* – 1636, 1649, 1654), а также столкновение с католическим духовенством в 1627-1628 гг., когда Куновский выступал против отдачи доминиканцам смоленской церкви Бориса и Глеба; только непосредственное распоряжение тогдашнего короля Владислава привело к разрешению спора в пользу доминиканцев. Данные факты в определенной степени объясняют, почему этот уважаемый солдат и прекрасный знаток восточных вопросов не сделал блистательной политической карьеры. Последняя известная историкам дата из его жизнеописания – 1654 год, когда он был избран главой синода кальвинистов, – символично сплетается с утратой Речью Посполитой Смоленска, города, которому Куновский посвятил свои самые лучшие произведения.

‘Хвала городу’ (*laus urbis*) появилась в средневековье. В одной из идиллий Теокрита под названием *Сиракузанки осматривают великоление Александрии Птолемея*, а герой *Энеиды* восхищается красотой строящегося Карфагена. Собственно родом *laus urbis*, относящимся к высказыванию хвалебного характера (*genus demonstrativum*), литература обязана Стацио, который в многочисленных окказиональных произведениях, содержащихся в сборнике *Сильва*, представил мощь Рима, точнее кра-

соту вилл, расположенных над Неаполитанским заливом. Кодификатором поэтической практики этих и иных творцов античной литературы, писавших *laudes urbium*, стал Марк Фабий Квинтилиан. В трактате *Institutio oratoria* он признался, что описание города должно состоять из хвалы основателю, древности града, его расположению и укреплениям, описания добродетелей горожан и общественных сооружений (Lausberg 2002: 140-141, § 247). Вслед за Квинтилианом теоретики ренессанса рекомендовали хвалить архитектуру городов (в том числе дома, костелы, мосты, башни) и указывать их в качестве центров науки и искусства (Juliusz Cesar Scaliger 1561: 166-167).

В истории литературы наиболее часто описываемым городом-символом был Рим. *Laudes Romae*, написанные языком Цицерона, выходили не только из-под пера римлян, а уже в XVII столетии складывались в целые антологии (Justus Lipsius 1675). Вместе с эмансипацией национальных языков и ощущением ценности национальной культуры в эпоху Ренессанса начали появляться похвалы другим городам Европы, их писали на национальных языках. Вероятно, первым описанием города, написанным на славянском языке, является *Хвала города Дубровника* авторства хорватского поэта раннего ренессанса Ганнибала Лючича (Hanibala Lucića, 1485-1553; ср.: Goleniszczew-Kutuzow 1970: 109). Польские *laudes urbium* появились в средневековье, предтечей латинских произведений данной тематики является живший на рубеже XIV и XV веков Станислав Циолэк, автор энкомия *Cracovia civitas...* Средневековые и ренессансные произведения, восхваляющие польские города, чаще всего носят топографический характер, то есть дигрессий, вплетенных в ход исторического или биографического повествования. Они обычно написаны на латинском языке (Buszewicz 2004: V-XV, 29-31). Лишь писатели барокко, эпохи, выходящей за прежние границы искусства в области тем и статуса адресата (читателя, зрителя или слушателя), стали в польской культуре авторами первых похвал городам на родном языке.

Они появляются уже в начале XVII века. Анонимный автор совизджалской (рыбалтовской) литературы разместил в *Совизджаловских календарях* (*Minusyje so-wiżrzalowe*, появившихся по всей вероятности в первом или во втором десятилетии этого столетия) поэтическую похвалу двух подкраковских городков (Grzeszczuk 1985: 265-268)⁴. В соответствии с правилами энкомия встречаем в них восхваление городских зданий, костелов, находящихся в них органов; автор пишет также о достатке и благорасположенности мещан. Но в этих портретах идеальных городов нетрудно заметить сатирические черты, их преувеличенная хвала служит для создания юмористического эффекта. Анонимный поэт делает явным излишек литературного сознания, ирои-комичное несоответствие поэтики и темы: “Мое око это видело/Хоть немного и приврало” (*Дэмбца* [*Debica*]), стих 43-44). Лишь в 1643 году Адам Яжембский, композитор, архитектор и поэт, опубликовал *Гости-*

⁴ Размещенная ниже цитата взята из этого издания.

нец, или Краткое описание Варшавы (*Gościniec albo Krótkie opisanie Warszawy*) - поэтическую похвалу столице, задуманную как собрание описаний известных варшавских зданий (Jarzębski 1974).

На этом фоне написанный на 15 лет ранее энкомий Яна Куновского *Смоленское великолепие* появляется, повторимся, как первая хвала города Речи Посполитой. В соответствии с рекомендациями поэтов античности и эпохи Ренессанса автор воспеваает Смоленск с точки зрения его древности (стих 41-47), военных подвигов жителей (стих 48-60), оговаривает историю города в XVII столетии (стих 61-72), более подробно останавливается на описании укреплений (стих 73-88), выгодного географического положения (стих 89-112) и истории смоленских войн в XVII веке (стих 113-192). Хвалу дополняет описание Сигизмундовской крепости (стих 193-212), упоминания о костелах, ратуше, дворце воеводы и Днепровских воротах (стих 213-232), последние строфы содержат восхваление Смоленской земли, сравниваемой с библейским краем медовых и молочных рек, земли более прекрасной и богатой, чем остров Родос или Митилены (стих 233-252).

Энкомий Смоленску был написан с перспективы поляка и рыцаря. Куновский умолчал об истории Смоленского Княжества перед завоеванием этих земель Витольдом, зато выдвинул на первый план мужество жителей Смоленска – верных граждан Великого княжества Литовского – во время битвы с крестоносцами под Грюнвальдом (1410). Присоединение города к Московскому государству в 1514 году произошло, по его мнению, из-за измены Миханла Глинского, а спектаклярные строительные работы по усилению крепости, проводимые под руководством Бориса Годунова, были интерпретированы Куновским как желание удержать чужое. В свою очередь осаду Смоленска Сигизмундом III поэт понимал как реализацию политики возвращения утраченных земель. Знаменательно, что в *Смоленском великолепии* много места автор посвятил битвам Александра Госевского по снятию московской блокады в 1613-1616 годах; фрагменты эти являются выражением вассальной связи Куновского с гетманом⁵. Стоит также подчеркнуть, что поэт не воспользовался советом Квинтилиана хвалить город ‘с точки зрения на жителей’ (*ex civibus*), а в описании построек не указал церкви. Даже название одних из ворот города в поэме носит идеологизированное название – Королевские ворота, хотя для населения это были Днепровские ворота – зато факт украшения постройки иконой Смоленской Богородицы был опущен. Автор сознательно создает образ Смоленска как крепости Речи Посполитой, абстрагируясь от вопроса православия (неопытный читатель мог бы подумать, что город населяют только католики, отправляющие службы в пяти костелах). В понимании Куновского город, полученный благодаря помощи Бога и удерживаемый с такими большими усилиями, должен остаться в границах польско-литовского государства, более

⁵ По мнению Кароля Лопатецкого в большей степени адресатом стихотворения является Сигизмунд III и королевич Владислав. См.: Łopatecki 2007: 33.

того – должен быть исходным пунктом дальнейшей политической и экономической экспансии (стих 105-112).

Смешение автором идеологии с историей, интерпретации с описанием (что встречается и в современных работах историков и литературоведов) может иметь для современного читателя познавательную ценность. *Смоленское великолепие* является выражением ментальности польского шляхтича XVII века, уверенного в оберегающем Речь Посполитую Провидении, подчиняющего рефлексии историческую идею провиденциализма, убежденного в особой миссии польско-литовского государства. В то же время в энкомии Куновского звучит неподдельное, искреннее восхищение величию и могуществом Смоленска, его оборонительными достоинствами и экономическими перспективами. Поэт обратился к античным, библейским мотивам и исторической эрудиции (обращается к историку Мартину Кроммеру), чтобы украсить хвалу города. Даже использование сапфической строфы – неподходящего метра для описательной поэзии – в его замысле имело эстетическое значение. Этот аспект переплетается в *Смоленском великолепии* с описанием личных наблюдений. По мнению историка, “одним из его (Куновского) главных принципов, использованных в течение всей жизни, было описание событий, свидетелем которых он был”, свое писательское кредо он выразил в лапидарном предложении: “Тем от меня довольствуйся, что мое око видело”⁶.

Представленное ниже произведение появилось, таким образом, на стыке идеологии и описания, как выражение великодержавных стремлений Речи Посполитой и как свидетельство восхищения Смоленском. Содержит в себе истинность документа (ментальности; истории, видимой глазами польского шляхтича XVII века) и, может, важнее всего – правдивость чувств. С этой мыслью отдаем его в руки читателя.

Библиография

- Платонов 1937: С.Ф. Платонов, *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.*, Москва, 1937.
- Kupisz 2001: D. Kupisz, *Smoleńsk 1632-1634*, Warszawa 2001.
- Teodorowicz-Hellman 2006: E. Teodorowicz-Hellman, *Z historii i współczesności zbioru Skoklostersamlingen*, в: E. Teodorowicz-Hellman, A. Nowicka-Jeżowa, M. Straszewicz, M. Wichowa, *Polonika w zbiorach Archiwum Narodowego Szwecji (Riksarkivet) Skoklostersamlingen*, Warszawa 2006, с. 10-15.

⁶ Там же, с. 18-19.

- Kacprzak 2006: *Sprawa Smoleńska. Z literatury okolicznościowej pierwszej połowy XVII wieku. Ze zbiorów Archiwum narodowego Szwecji skoklostersamlingen*, изд. M.M. Kacprzak, Warszawa 2006.
- Jeżowa, Hellman 2007: *Polonika w Archiwum Narodowym Szwecji. Kolekcja Skokloster i inne zbiory. Polonica in the Swedish National Archives. The Skokloster Collection and Other Materials*, ред. A. Nowicka-Jeżowa, E. Teodorowicz-Hellman, Stockholm 2007.
- Kunowski 2007: J. Kunowski, *Ekspedycja inflancka 1621 roku*, ред. W. Walczak, K. Łopatecki, введение K. Łopatecki, Białystok 2007.
- Lausberg 2002: H. Lausberg, *Retoryka literacka. Podstany wiedzy o literaturze*, перевод и ред. A. Gorzkowski, Bydgoszcz 2002.
- Juliusz Cesar Scaliger 1561: Juliusz Cesar Scaliger, *Poetices libri septem*, 1561.
- Justus Lipsius 1675: *Amiranda sive de magnitudine Romana; Opera omnia*, III, Wesel 1675.
- Goleniszczew-Kutuzow 1970: I. Goleniszczew-Kutuzow, *Odrodzenie włoskie i literatury słowiańskie*, перевод W. i R. Śliwowsy, введение J. Krzyżanowski, Warszawa 1970.
- Buszewicz 2004: *Metropolia Sarmatów. Dawni poeci i pisarze o Krakowie*, ред. и введение E. Buszewicz, Kraków 2004.
- Grzeszczuk 1985: *Antologia literatury sowiżdżalskiej*, ред. S. Grzeszczuk, Wrocław 1985.
- Jarzębski 1974: A. Jarzębski, *Gościniec albo Krótkie opisanie Warszawy*, ред. W. Tomkiewicz, Warszawa 1974.
- Łopatecki 2007: K.Ł. Łopatecki, *Wstęp*, в: J. Kunowski, *Ekspedycja inflancka 1621 roku*, Białystok 2007, с. 13-106.

Abstract

Dariusz Chemperek

A Polish Poem of the 17th Century About the Beauty of Smolensk

The poem by Jan Kunowski (ab. 1590 – after 1654) *Smoleńska zącność Roku Pańskiego 1628* [*The Beauty of Smolensk in 1628*], recently discovered and published here for the first time, belongs to the genre of *laus urbis*. The *encomion* of Smolensk is the first description of the town in Polish language. Kunowski who was a knight (he participated in wars between the Commonwealth and Sweden, mainly in many campaigns against Muscovy) describes Smolensk as a beautiful and powerful stronghold, using some humanistic *topoi*. His description is written from a Polish point of view as he does not pay attention to orthodox churches or Russian townspeople and interprets history using Sarmatian ideology.

Jan Kunowski

Smoleńska zacność R<oku> P<ańskiego> 1628

Doznawa tego często świat szYROKI,
Jako są trwale wsze Boskie wyroki,
Czym gruntowane przemożne stworzenia
Z Jego przejrzenia.

5 Acz świat obludny nie ma nic trwałego,
Wielka, urosszy z początku małego,
Rzecz niszczyć musi, idąc w pierszą porę
Z wyniosłej gore.

10 Sławne Ateny i miasto spartańskie –
Aza nie znaczne są przykłady Pańskie,
Iż nic trwałego nie ma świat u siebie?
Dom wieczny w niebie.

15 Jednakże sławą miasta żyją mnogie,
Odniośszy w murach zbyt zniszczenie srogie.
Persom Grecyja i dziś strach przynosi,
Acz turecki nosi

20 Tytuł na sobie. Ale greccy ludzie
Musieli podlec pogańskiej obludzie,
Janiczarami z ćwiczenia nazwani,
Męstwem odziani.

25 Przez nich zwycięstwo Turek dziś odnosi,
A i krześcijan kosą swojąż kosi.
Carygród w sławę przyodział potężnie,
Zholdował mężnie.

30 W ludziach, toć nie dziw, że prędką odmiana –
Coraz nowego śmierć podaje pana.
Ale królestwa czemu prędko giną
Pod sprawą iną?

Ян Куновский

Смоленское великолепие 1628 года¹

Бог миру часто дал понять,
Как долги все его решенья,
Что созданы великие творенья
Все – лишь по Божьему велению.

Двуличный мир! Он стряхивает вечное! 5
Любая вещь, достигшая вершины
Пытается гору и уничтожить,
Забыв, кто поднял малое на гору.

Дом вечности в небе –
Афины и Спарта, 10
Примеры для мира –
Творения Бога.

И многие грады испытаны Богом –
Где рушились стены, там ширилась слава.
И Греция ныне является страхом, 15
Для персов, хоть титул не снялся турецкий.

Великая Греция! Божье творенье!
Согнулась под гнетом турецкого ига,
Она уступила языческим чарам,
Огню и мечу волевых янычаров. 20

Единым мечом грек и турок теперь побеждают,
Одною косою христиан всех они укрощают,
Царьград приодели в богатую славу
Бесстрашному Турку война как забава.

Дивись, человек, как быстра перемена – 25
Новый король утвердился на троне.
Смерть обновила закон королевства,
Как быстро погасли цветы на короне.

¹ Перевод с польского языка М.М. Цыбульского и Е.С. Воробьевой.

- 30 Dar to jest Boży, a niemniejszy prawie,
Gdy ono kwitnie, w dobrej żyjąc sprawie,
Czego i polskie lat tysiąc uznawa,
Sam to Bóg dawa.
- Te dwa narody nieprzyjazne sobie –
Litwę z Polaki - spodobalo Tobie,
35 O, Boże wieczny, tak z jednego zbracić,
Nie chcąc ich tracić.
- Braterstwa tego skutki są ucieszne:
Nad Krzyżakami zwycięstwa pocieszne,
A zholdowanie książąt pruskich silnych –
40 Znak przodkom pilnych.
- Do tego rzecz swą przykłady prowadzę,
Że zacny Smoleń<s>k na oko wysadzę.
Niegdy ten Zamek ruski kniaź zbudował,
Litwin zholdował
45
- Męstwem, dzielnością – on Witold wslawiony.
Wtym wojewódstwem do państwa wprawiony,
Czas długi służył Litewskiemu Księstwu.
Pomógł zwycięstwu
- Zacnie polskiemu w grynawaltskiej bitwie:
50 Gdy się uciekać nadarzyło Litwie,
Niektórej zwłaszcza, Smolanie oparli,
Chorągwie darli
- Bitnym Krzyżakom, służąc Jagielowi,
Książęciu swemu, polskiemu królowi.
55 O tym Kromera uważnego czytaj,
Więcej nie pytaj.
- Taż wiarą, męstwem Moskwie oganiali,
Włości smoleńskie bitwą ochraniali,
Małe posiłki od Litwy miewali,
60 Nie ustawali.
- Aże Glińskiego ta przekłeta zdrada
Zjadła niebożat, a moskiewska rada
Górę wyniosła z oziębłości polskiej.
Broniąc podolskiej,
- 65 Sobie przyległej, a zwyklemu męstwu
Dufali Smolan – przypatruj szaleństwu! –
Przez co tak zacnej krainy pozbyli;
Ospali byli.

- Есть Бога дар прекрасной Польше,
Цветет она, живет с прекрасным знаком, 30
Все десять сотен лет –
С Благодареньем Богу.
- О, Боже Вечный,
Еще одно деянье ты всхотел –
Слияньем двух врагов – 35
Литву с поляком братьями назвать.
- Этому братству исходы потешны –
Над крестоносцами победы смешны!
Знак предкам – внимательным полякам
Преданность сильных прусских князей. 40
- Тому примет – Смоленск прекрасный,
Его разбил литовец властный.
И то, что строил русский князь,
Разрушила Литовца власть.
- Мужеством, храбростью – он – славный Витольд, 45
Славно помог он полякам в Грюнвальдской битве,
Долго был предан Литовскому княжеству,
Воеводством вошел в государство важно.
- Смоляне с поляками Литву защищали,
Литовцы в крови истекали, 50
Литовцы бежали,
Смоляне отбили хоругви, знамена порвали
- Воинственным крестоносцам, служба Ягелло,
Князю своему, польскому королю.
Внимательно об этом Кромера читай, 55
И больше не вопрошай.
- Той верой и мужеством Москву обходили,
Волости смоленские битвой охранили.
Малую помощь от Литвы получали,
Но беречь Москву не уставали. 60
- Измена треклятого Глинского
Съела Поляка,
Рада Московская вновь победила,
Подольскую землю она защитила.
- В простое мужество смолян верили, 65
Из-за чего красивый край развеяли,
Какое безумство – вялым бывать,
Получилось – край терять.

- 70 Moskwin trzymał bliźu sta lat mężnie,
Litwie nie przyszło kusić óń potężnie.
Wprawdzie bijali o to częstokrotnie –
Kto zliczy kłotnie?
- 75 Widział Moskwin: trudno cudze bronić,
Jednak przemyslał, jako by ochronić.
Wszelką potęgą Zamek zabudował.
Cegłą zmurował
- 80 Dalej niżli trzy sążnie mur szeroki,
Pod dwie kopije do góry wysoki,
Trzydzieści ośm baszt około niemalych
u kwater całych.
- 85 Każdej kwatery na dobre strzelenie
Wieża od wieży ma swe rozdzielanie,
Mur zaś w ciosany kamień, opasany,
Wał zewnątrz dany.
- 90 Śród murów w rowach wodne są kanały,
A stąd ten Zamek zda się być zuchwały,
Na palach z dębu swój fundament sadząc,
Dniepr tuż prowadząc –
- 95 Rzekę portową, skąd na wszystkie strony
Wszelaki towar może być wieziony.
Dnieprem, zachcesz li, dojdiesz Carygroda,
Wszystko czas poda.
- 100 Z Dniepru Prypecią port najdziesz do Gdańska,
Jeśli cię mierzi strona <zaś> pogańska.
Kasplą do Dźwiny, tą do Rygi snadnie
Kupiec upadnie.
- 105 Z Dźwiny w Wiliją port trzeci namacasz,
Gdy do Królewca zamysły obracasz,
I Berezyną przyplyniesz do Niemna –
Sprawa foremna.
- 110 Portu czwartego podawa się droga,
Byle Bóg zdarzył, ta niezgoda sroga
W Polszcze ustala, a narody wolne
Zamysły spolne –
- 115 Polacy z Litwą – w Moskwę obrócili,
Ten naród hruby znowu okrócili,
Za pana dawszy cnego Królewica.
Precz tajemnica:

- Москвич сто лет держался бесстрашно,
За этот покой – бились часто, 70
Ссор с Литвой не сосчитать,
Литве Москву не удалось взять.
- Считал Москвич – чужое трудно защищать,
Охрану замка сложно выполнять,
Однако думал, как бы сохранять, – 75
Кирпичный замок стали укреплять.
- Крепкие те стены замка – тридцать восемь башен,
В нем каменные камеры прочны,
Трех сажень ширина кирпичной стенки,
И в два копия там высота полета. 80
- Весь замок опоясан сечным камнем,
Песчаный вал снаружи дан,
И было хорошо стрелять
Там с каждой башни.
- Средь стен во рвах там водные каналы, 85
Река портовая питает всех водой,
Крепка своим фундаментом дубовым,
Он дерзок, этот замок новый.
- Днепром портовым всяк товар вези,
Захочешь, то дойдешь и до Царьграда, 90
Все стороны открыты замку,
А время все расставит по местам.
- От Днепра Припятью ты порт найдешь до Гданьска,
Коли языческая сторона противна,
Каспией до Двины, той до Риги лёгко, 95
Хоть разорится так иной купец.
- От Двины в Вилию ты третий порт найдешь,
Когда до Крулевца ты обращаешь мысли,
Рекой Березиной дойдешь и до Немана,
Здесь дело ясное – плыви! 100
- Четвертый порт нам подает дорога,
И с Божьей помощью все вольные народы плыли,
И лишь бы Бог вниманье обратил,
Да прекратил суровую вражду в прекрасной Польше!
- Замыслы общие – Польша с Литвой на Москву обратили, 105
Сильный народ этот быстро они усмирили,
За короля славного дав Крулевца
Прочь эти тайны с лица:

- 110 Port do Persyi dziwnie użyteczny,
Ugrą do Oki, zdarz, Boże wieczny!
Tą zaś do Wołgi, Wołgą aże w morze
Popłyniesz sporze.
- 115 To snadź król Zygmunt upatrując Trzeci
Z wojskiem pod Smoleńsk tak gorąco leci,
Rzewniej dobywać lat dwie usiłował,
Bóg forytował.
- 120 Przypatrz się zatym jego dbalej pieczy
Kolo smoleńskiej długi czas odsieczy:
Aza nie pilno o swej pracy radził,
Ani toż sadził
- 125 Skarbu własnego, na koniec ugodą
Ochronić pragnął za naszą niezgodą?
I tym sposobem nie mogąc ochronić,
Inaczej bronić
- 130 Szuka sposobu. Radę tę najduje:
Wodza drugiego na to upatruje,
Aby dał odsiecz Smoleńskowi jego –
Znaj pana swego.
- 135 Na tym nie zawiódł baczenia swojego,
Uwolnił Smoleńsk, kochania twojego.
Moskwicin rzuca ostrogi potężne
Przez ręce mężne.
- 140 Nie tracąc czasu, Królewica cnego
Z wojskiem szle w głębią wtym, syna swojego.
Kusić się każe o samą stolicę,
Aby na nice
- 145 Moskiewskie śmiechy odważnie wywrócił,
A laską Bożą hardość ich okrócił.
To Pan Bóg zdarzył, a dziwnie laskawie,
Z tryjumbem prawie.
- 145 Cztyrnastą zamków pokój okupować
Musiała Moskwa, przestawszy żartować,
Co przedtym deski postąpić nie chciała,
I nadto dała.
- 145 Trzykroć szczęśliwy jest zdania mego:
Pierwsza – w kochaniu u Króla swojego;
Druga – po sobie mają wojewodę;
Trzecia – nagrodę

- Порт обрели удивительно выгодный,
Господу слава! Ныне до Персии плыть от Угры до Оки, 110
Следом – по Волге, от Волги – по морю,
С прибылью быстро народ поплывет.
- Верно и то, Зигмунд третий, король,
Летит горячо с войском своим,
Город Смоленск добывать он три года пытался, 115
Только на Господа Бога король уповал.
- Ты присмотрись к его заботливой опеке,
Искал он долго помощи в земле Смоленской,
Иль может, не решителен в своих стараниях король?
Ведь собственной казны не много он истратил. 120
- Не тратил он казны, не верил в соглашение,
Жизнь защитить хотел за счет нашей вражды?
Хотя и этот способ не сумел он сделать обороной,
Иль как-то по-другому защищать.
- Пока искал он способы иные, 125
Совет вождя другого присмотрел,
Чтоб знали господина своего,
И покровительствовали б его Смоленску.
- Не потеряй рассудка своего,
Освобождай Смоленск, любимца твоего, 130
Увидев мужество поляков,
Москвич бросает крепкие остроги.
- Теперь решенье – покуситься. Приказывают на саму столицу,
Не тратя времени ни час.
Крулевца благородного с войсками 135
Шлют в глубину страны тотчас.
- Чтоб наизнанку смех московский развернулся,
Отваге этой милость Божья помогла,
Московскую надменность усмирили,
Почти с триумфом – Бог господь вершил. 140
- Покой четырнадцати замков захватить
Должна была Москва, престав шутить,
Ведь раньше доски уступить не пожелаала,
Теперь – и сверх того дала.
- Он – трижды счастливый герой, 145
Во-первых, любимый своим королем;
Вторым, он имел при себе воеводу;
И в-третьих, наградой народ посвятил.

- Lud w nim rycerski odniósł wszystko mężny.
 150 Nieprzyjaciółom trzykroć swym potężny
 Być może zawsze z wyrażonej rzeczy:
 Gdyż Król na pieczy
 Będzie miał swojej, o obronie radząc;
 Wódz doświadczony – tak rzecz prowadząc,
 155 Jakoby zwykle moskiewskie fortele
 Odrażał śmiejąc;
 Waleczny rycer za<ś> o własność swoją
 Będzie uwłaczał krwawe zwodzić boje.
 To rozum pański dość głęboki zjawił,
 160 Duch Boży sprawił.
 Stąd cieszą wszyscy z przerzeczonych rzeczy:
 Król Pan napierwiej – mając sławę g' rzeczy
 Z swego tryumfu, strzegąc rzecz nabytą,
 Sławą okrytą;
 165 I wojewoda cieszy się z odsieczki,
 Że służbę jego Król sam ma na pieczy –
 Korwin Gosiewski Aleksandrem krzczony,
 W boju ćwiczony;
 Rycerska zasię stąd pociecha jawna –
 170 Nagrodę słuszną służba wzięła dawna,
 Na to chudobę ostatnią ważyli,
 By tam wiek żyli.
 Stąd na popisie przypatrzeć się było,
 Jakowe pole smoleńskie okryło
 175 Zaczne rycerstwo, ni<e> w trojańskim koniu –
 Widać na bloniu.
 Każdy na wybór tam mąż w męża prawie,
 Wojewodzinej dość porządnej sprawie
 Wiele rotmistrzów, poruczników, k'temu
 180 Chorążych. Cnemu
 Obejrzeć oku lube barzo rzeczy.
 I szyk do tego przepłotany g'rzeczy
 Jazdy z piechotą, cudzoziemców trocha,
 I to nieplocha.
 185 A tych najwięcej, co przez wszystkie wojny
 Skutek służb swoich oddawali hojny,
 Będąc wodzami – i niehydkiej kupy,
 Odnosząc lupy

- В нем – мужество рыцаря видел народ,
Сильнее неприятеля раза он в три, 150
Быть может, всегда по понятной причине:
Король опекал.
- Коли будет Король опекать – пора о защите решать,
Так ведет дело лишь опытный вождь,
Хитрость, уловку Москвы отбивает он смело – 155
Стало для рыцаря это обычное дело.
- Доблестный рыцарь свой скарб сохранил,
С боем имущество он умножил,
Хранить нажитое – здесь ум Короля проявился,
Дух Божий помог – и Король укрепился. 160
- Радость пришла – так события им предсказали,
Прежде всего – Короля так они прославляли,
Много добычи они стерегли –
Славой, триумфом его возвели.
- И воевода помощи рад, 165
Службу его сам Король оценил.
Корвин Госевский крещен Александром,
Ратное дело в бою претворил.
- Рыцарям вновь утешение явно,
Снова награду они получили – 170
И справедливо – чтоб век там все жили,
Риск был оправдан – имущество все сохранили.
- Быстро смотри – как смоленское поле покрыли,
Мощной волною солдат всё его затопили,
Славой рыцарство, не как с троянским конем, 175
Лут был покрыт – тьма солдатов на нем.
- Точным подбором солдат выбирал,
Сам воевода все это решал,
Ротмистр, хорунжий, поручник к тому –
Делу и важному, и благородному. 180
- Глазом гляди – все любимые вещи,
Также порядок к сему приплетен,
Езда с пехотой, чужеземцев кроха –
И то неплохо.
- Но больше тех, кто во всех войнах отличился, 185
И результат службы щедрый получился
Будучи вождями – и не абы какой кучи,
Получили трофеи от войны летучей.

- 190 Zwycięstwa swego, tu zaś powiatową
Zdobiąc chorągiew na wszystko gotową,
Postawę Marsa walecznego sadząc,
Poczet prowadząc.
- Jeszcze niemniejsza dbałość Króla Pana!
Uchowaj Boże, aby zaniedbana
195 Tym rytmem była forteca gruntowna –
Słysz – pańskim równa!
- Żeby nie miała tu być ogłoszona,
Do uszu wszystkich mile donoszona:
Kosztem niemalym lat kilka robiona,
200 Waleń zdobiona
- Nader szYROKIM; przekop mUROWANY,
Misternie sklepy będąc warowany,
Wspaniały bolwark za murem. I w murze
W przelomnej dziurze,
- 205 Przystęp do rowów gdzie najlepszy bywał –
Skąd go i sam Król przed czasem dobywał –
Teraz tam stanął przystęp niedobyty,
W twierdzą obfity.
- DziedziniEC zacny Zamku potężnego
210 Zatrzymać zdoła nie wiem jak mężnego
Nieprzyjaciela, ludem opatrzony.
Słusznie sławiony
- Śród murów kościół na górze biskupi
W ślicznym pojrzeniu – przyzna to i głupi –
215 Zamkowi sprawi niemniejszą ozdobę
Za krótką dobę.
- Zatym, acz z drzewa, insze już kościoły –
A bernardyński jako to wesoly,
A jezuicki poczytam ogromny,
220 Do tego skromny
- Dominikański kościół i szpitalny –
Są położony na oryentalny
Promień słoneczny. A ratusz do tego
Celuje swego,
- 225 Dom wojewodzi pokładając w głowach.
Potym szlacheckie, nie sadząc na słowach,
Ozdobę miastu niepodl<a> przynoszą.
Zatym się wznoszą

- Трофеи победы, тут же повятовую,
Украсили хоругвь на все готовую, 190
С образом воинственного Марса,
Готовы флаг победы поднимать снова.
- Еще не меньшая забота Короля!
Чтобы хранилась Богом крепость заброшенная,
Этим ритмом была крепость могучая – 195
Мощная на круче, равная господским.
- Без лишних объявлений,
До всех ушей милых донесений,
Немалой ценой несколько лет строенная,
Весьма широким валом украшенная. 200
- За валом – каменный прокоп сделанный,
Искусно сводом укрепленный,
За стеной – прекрасный больварк,
А в стене, в проломанной дыре –
- Где к рвам был лучший доступ – 205
Его Король недавно самолично осаждал,
Теперь стоял там подступ неприступный,
Сильнейший, в крепости обильный.
- В Замке могучем – двор укрепленный,
Полный людей вооруженных, 210
Способных мужественно остановить врага,
Неприятеля победить любого.
- Замок здорово украсит за короткое время –
Согласится и глупый –
Среди стен на горе – 215
Великолепный костел епископский.
- Затем – но из дерева, иные уже костелы –
А бернардынский как веселый,
А иезуитский признаю огромным,
До этого скромный. 220
- Доминиканский костел и больничный –
Построены и положены на восточный
Солнечный луч.
И ратуша над ним возвышается гордо и роскошно.
- Затмевает ратуша дом воеводский, 225
И также – дома шляхетские славно,
Принося настоящую красу городу,
Возвышаясь над городскими халунами.

- 230 Miejskie chałupy, a rynkowe domy
Zdobią ulicę do Królewskiej Bromy.
I ta nie mniejszej godna jest pochwały,
Ma ubiór cały.
- 235 Już insze zamki sław kto, jako chcący,
Ja Smoleńsk będę nade wszystkie więcej!
Ażaz niesłuszne wyliczam przyczyny?
Ukaż, co inny
- 240 Ma nadeń samym albo położeniem,
Lubo warownym murów obłożeniem,
Lub to bolwarku twierdzą nie dobyt<ą>,
Albo zakryt<ą>
- W tych sklepach strzelbę w przekopie szerokim
Przed wałem hrubym, także i wysokim.
Nie ma chwalny Rod, także Mityleny
Z Smoleńskiem ceny.
- 245 Tym Smoleńsk zacny stąd chwalebnie słyńie,
Iż podeń rzeka nasławniejsza płynie,
Ówdzie obfite miewa urodzaje:
Miód, mleko, jaje,
- 250 Zbóż rozmaitych wzmiankować nie trzeba,
Aż nader piwa i wszelkiego chleba,
Mnóstwo ryb, zwierzu, rozmaite ptastwa
Nad gospodarstwa.

- Не халупы, а рыночные дома
Украшают улицу до Королевских ворот, 230
Они заслуженно несут похвалу
Имея целый прекрасный наряд.
- Уж разные другие замки, пусть славит, коль хочет,
Я буду Смоленск возносить!
Неуж невесомые дал я причины? 235
Скажите, кто может сравниться с Смоленском?
- Сравниться иль превзойти положеньем?
Иль более крепким кольцом этих стен?
Или поспорим про крепость бльварка,
Сильно, прекрасной, могучей? 240
- Закрыта в тех сводах стрельба,
И в подкопе широком – пред валом высоким,
Нет со Смоленском равной цены –
Нет у Митилены, нет у славного Родоса.
- Прекрасный Смоленск! Он почетную славу имеет! 245
Город омыла, украсила дивная речка,
Город обильные снял урожай –
Мед, молоко, яйца и хлеб кормят людей.
- Хлеб и зерно не упустим в вниманьи. Пива полно от него,
Множество рыбы, зверей и отличные птицы – 250
Славно украсили воды и реки
Над этим хозяйством!